

Новые технологии могут стать вызовом стабильности в Большой Евразии

Любой технологический прорыв имеет и обратную сторону, которая может выступить источником генерации многочисленных вызовов. О вызовах, потенциально способных повлиять на стабильность в Большой Евразии в период до 2050 года, пишет политический аналитик Рустам Махмудов (Узбекистан).

«Большая Евразия» или «мировой остров» классической англосаксонской геополитики – это самый сложный феномен, внутренняя структура которого всегда представляла собой сплетение множества динамичных процессов, сформировавшихся на стыке экономики, политики, торговли, военного искусства, интеллектуальных исканий, религий и этнических контактов.

Современная эпоха в Большой Евразии в смысле динамизма ничем принципиально не отличается от предыдущих, с той лишь разницей, что ещё никогда в истории Евразии одновременно не было такого количества технологических центров, вступающих в конкурентную гонку за лидерство в новом технологическом укладе. Китай, Япония, Германия и в целом ЕС, Южная Корея, Россия, Индия, Сингапур, Израиль, Малайзия, ОАЭ, Иран разрабатывают и реализуют различные по масштабам программы внедрения технологий, которые можно отнести к технологиям Четвёртой промышленной революции (ЧПР). К этому нужно добавить и участие в технологической гонке такой мощной географически внешней по отношению к Евразии державы, как США. Центральная Азия в лице Узбекистана и Казахстана также делает первые шаги в направлении технологического транзита.

Число сфер, в которых зарождается конкурентная борьба, весьма велико, начиная от внедрения искусственного интеллекта, промышленного Интернета вещей, автономных транспортных средств, роботизации, умных городов и заканчивая технологиями создания орбитального рынка полётов к планетам Солнечной системы и киборгизации.

Цель разработки и внедрения новых технологий понятна – повышение эффективности национальных экономик, придание нового импульса научно-техническому прогрессу, открытие новых горизонтов освоения человеком ранее недоступных пространств, как внутри человеческого организма, так и за пределами нашей планеты. Но, как показывает история, любой технологический прорыв имеет и обратную сторону, которая может выступить источником генерации многочисленных вызовов. В случае с ЧПР можно выделить как минимум три группы вызовов, потенциально способных повлиять на стабильность в Большой Евразии в период до 2050 года.

Прежде всего, это вызовы стабильности сложившейся системы мировой торговли, цепочек поставок и создания добавленной стоимости. Технологический переход с прицелом на лидерство и формирование собственных технологических зон на принципах ЧПР и рынков сбыта потребует от стран доступа к очень значительным ресурсам, что будет в свою очередь повышать вероятность многочисленных торговых и валютных войн. В XX веке подобные процессы протекали в крайне острой форме, нанеся огромный ущерб стабильности и человеческому потенциалу Большой Евразии.

Вызовы будут идти и со стороны процесса массового внедрения инновационных технологий в производство, сферы добычи природных ископаемых и сервиса. Под прямой удар будет поставлено большое количество низко- и среднеквалифицированных рабочих мест, поскольку, согласно экономическому историку, сотруднику Оксфордского университета Карлу Бенедикту Фрею, новая промышленная революция будет основана на «replacing technology», т.е. технологиях, которые будут замещать рабочие места, ранее требовавшие участия человека. Поэтому правительствам,

реализующим программы автоматизации, внедрения искусственного интеллекта, автономного транспорта, роботизации, уже сегодня нужно думать о разработке программ создания новых типов рабочих мест, поскольку в противном случае, вытесненные новыми технологиями рабочие и клерки могут стать источниками социально-политической нестабильности. Евразия уже проходила через нечто подобное. Первая технологическая революция, в которой также доминировали замещающие технологии, породившие бунтующий рабочий класс, как указывает К. Фрейд, стала источником марксизма. Не нужно говорить, какие это имело политические и гуманитарные последствия для XX века.

Дальнейшее повышение рентабельности автоматизированных производств, позволяющее располагать их ближе к потребителям, может нанести удар по глобальным цепочкам поставок и создания добавленной стоимости, а также снизить потребность в дешёвой рабочей силе, на которую продолжают возлагать надежды многие страны в своих программах догоняющего развития. Смена драйверов роста может привести к снижению шансов многих развивающихся стран выйти на более высокий уровень технологического развития и благосостояния со всеми вытекающими из этого последствиями, начиная от утечки квалифицированных кадров и заканчивая их консервацией в качестве поставщиков сырья. При экстремальном сценарии, игроки, отставшие в процессе глобального технологического перехода, могут столкнуться с повышением внутреннего потенциала социально-политической нестабильности.

Технологический прогресс может оказать мощное влияние и на ситуацию с устоявшимися ценностными системами в Большой Евразии. Успешное внедрение инновационных методов в области медицины на основе генной инженерии, нанотехнологий, 3D-печати может усилить в общественном пространстве позиции сторонников движения научного иммортализма и трансгуманизма, и как следствие вызвать различного рода оппозиции им со стороны носителей традиционных ценностных систем, выносящих возможность достижения бессмертия за пределы текущего земного существования.

Указанные группы вызовов пока только проявляют себя, в связи с чем они зачастую не принимаются в расчёт аналитиками, опирающимися в своих долгосрочных прогнозах на традиционные для Евразии группы рисков и вызовов. Однако, реальность научно-технологического прогресса, безусловно, будет вносить свои коррективы, сделав ЧПР одним из ключевых компонентов процесса прогнозирования процессов в Большой Евразии.

Данный текст отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

Источник